

В. Е. ТАТЛИН И А. Я. ТАИРОВ. ОДИН ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ КАМЕРНОГО ТЕАТРА

*Работа представлена научно-фондовым отделом рисунка и акварели XVIII–XX вв.
Государственного Русского музея.*

Научный руководитель – доктор искусствоведения И. Н. Карасик

Статья посвящена одному из малоизученных аспектов творчества В. Е. Татлина – оформлению героического представления «Не сдадимся», поставленного А. Я. Таировым на сцене Камерного театра в 1935 г. В ней содержится предметный анализ подготовительных материалов спектакля: эскизов и макетов; затрагивается проблема соответствия взглядов художника самобытной политике режиссера.

Ключевые слова: театр, эскиз, макет, спектакль, конструкция.

The article is devoted to one of the unknown aspects of V. Tatlin's work – decoration of the heroic performance «Not surrender» staged by A. Tairov at the Chamber theatre in 1935. It contains the subject analysis of preparatory materials of performance (sketches and models) as well as the problem of conformity of the artist's sights to the original policy of the director.

В. Е. Татлин обратился к сценографии в середине 1930-х гг. Оформление спектакля «Не сдадимся» для Камерного театра стало его второй значительной работой в сфере декорационного искусства. Сам же Камерный театр насчитывал к тому моменту двадцатилетнюю историю. Возникнув в 1914 г., он пережил революцию и гражданскую войну, бытовую неустроенность, когда актеры приносили из своих домов стулья для партера, и даже банкротство. Тем не менее труппа театра под руководством его создателя А. Я. Таирова не распалась. Она продолжала работу, вела поиски репертуара, в тяжелых условиях выпускала спектакли. Постепенно театру удалось завоевать свою нишу. Он не стал безусловным лидером столичной художественной жизни – эта роль безраздельно принадлежала МХАТу, но добился признания, обрел своего зрителя, устраивал зарубежные гастроли.

Одним из ярких моментов в биографии Камерного театра 1930-х гг. стала постановка героического представления «Не сдадимся», созданного по мотивам произведения С. Семенова «Профессор Отгон»¹.

Автор пьесы, используя материал знаменитой челюскинской эпопеи, непосредственным участником которой являлся он сам, воплотил на ее страницах один из эпизодов завоевания Арктики. Перенести подлинные исторические факты на сцену помогли театру участники экспедиции, присутствовавшие на репетициях, в том числе и являвшийся официальным консультантом в работе Отто Юльевич Шмидт.

Камерный театр, отдавая явное предпочтение пьесам зарубежных авторов, нечасто обращался к современной советской тематике. В этом плане «Не сдадимся» спектакль для театра не совсем характерный. Новым был не только репертуар, но и призванный воплотить его на сцене художник – В. Е. Татлин. Вопрос о том, почему данное предложение было направлено именно в его адрес, до сих пор остается открытым. Можно предположить, что определенную роль сыграл здесь уход от Таирова в том же 1935 г. В. Ф. Рындина, автора блестящих сценографических решений «Патетической сонаты», «Машиналы», «Оптимистической трагедии» и т. д. Странное со-

впадение – оставив Камерный театр, Рындин в конечном итоге оформляет тот же «Не сдадимся», но уже на сцене Ленинградского БДТ им. М. Горького у режиссера В. Федорова.

Камерный театр с его постоянным стремлением к экспериментам как нельзя лучше способствовал раскрытию творческих идей Татлина. С момента своего основания он представлял неограниченный простор для воплощения разнообразных опытов художников-авангардистов – Г. Якулова, А. А. Экстер, Л. С. Поповой, братьев В. А. и Г. А. Стенбергов. Их спектакли отличались свежестью идей, ломкой устоявшихся стереотипов, давали примеры ярких сценографических решений. Татлин подхватил эту эстафету. Оформление «Не сдадимся» не было революционным, оно не изменило «лицо» Камерного театра, но скорее напрямую апеллировало к его традиции. Предложенные художником лапидарные декорации в сочетании с монохромным задником были строги и даже суровы, но эта скупость с избытком компенсировалась актерской игрой и великолепной музыкой композитора В. Я. Шебалина.

Тематика героической эпопеи «Не сдадимся» была особенно близка Татлину, с юности увлекавшемуся мореплаванием. Он создал для нее поразительно достоверные картины, словно перенесшие зрителей в стильную полярную ночь. «Еще до того, как открылся занавес, когда на темно-синем фоне арктического неба засверкали белые хлопья снега, зал рукоплескал», – отмечал один из очевидцев премьеры².

Татлин подразделяет игровое поле на несколько разновысотных площадок, несомненно импонирующих Таирову и отсылающих нас к его знаменитым «Запискам режиссера». Опубликованные еще в начале 1920-х гг., они содержали рекомендации относительно построения отдельных мизансцен спектакля, протекающих не только в плоскости горизонтальной, но получающих свое развитие в иных объемно-пространственных структурах декораций. Вместе с тем нельзя сказать, что Татлин «без-

оговорочно» следует за Таировым. В своей предыдущей работе – «Комике XVII столетия» – художник также активно использовал всю коробку сцены. Он создавал разные игровые уровни, приобщая к ним и ярко выраженную диагональ крыльца с четким ритмом ступеней, и стоящие у стен пологие лавки, и даже покрытый скатертью стол, под который «ныряли» актеры.

«Не сдадимся» по сравнению с «Комиком» давал пример более сложной организации сценического пространства. При создании декораций Татлин отказывается от показа собственно судна. Представленная им двухэтажная декорационная установка I действия была достаточно условна и показывала каюты, трап и часть палубы с закрепленными на поручнях спасательными кругами с надписью «Дежнев». Одну из потолочных балок верхнего помещения Татлин расположил по диагонали: нависая над внешне статичной композицией, она вносила в нее некий диссонанс, тот элемент неопределенности и даже зыбкости, который пока еще только намекал на последующую гибель судна. Принципиально иное решение данной сцены выдвинул В. Ф. Рындин, выстроивший огромный корабль и по ходу действия открывавший в его корпусе отдельные фрагменты – каюты. В сцене гибели «Дежнева» декорационная установка распалась на три части: центральную (верхнюю) и две боковые, давая вид на арктический пейзаж.

Несомненный интерес представляет рисунок «Пароход «Дежнев», затертый льдами» из собрания ГЦТМ (инв. № 264421/40; ГДС 792). Это один из немногих сохранившихся до настоящего времени графических набросков Татлина к интересующей нас постановке. Накренившийся корпус корабля возвышается над льдинами, подступающими к судну со всех сторон. По диагонали его пересекает спущенный трап. Данный рисунок был положен в основу частично трансформирующегося макета декорации.

По словам очевидцев, сцена высадки экипажа корабля была одной из самых

сильных в спектакле. Этому способствовали не только сами декорации – Татлиным был привлечен целый комплекс сценических эффектов. Одна из главных ролей отводилась осветительной аппаратуре. Именно последняя способствовала достоверному изображению то пурги, то северного сияния, убеждая зрителя в том, что действие происходит в суровом арктическом климате.

Тьма ночи буквально сгущалась в картине, показывающей лагерь полярников. Дрейфующие льдины, громоздившиеся в предыдущем акте вокруг уходящего под воду судна вертикальными уступами, лежали теперь широкими горизонтальными пластами, образуя своеобразные ступени. Повсюду в беспорядке были набросаны ящики, поставлены времянки. Пустынный пейзаж уходил за линию горизонта, создавая впечатление бескрайнего заснеженного пространства.

Конструктивные декорации, усиливая динамику сценического действия, расширяя ее пространственные возможности, вместе с тем таили в себе опасность снижения эмоционально-образного уровня спектакля. В определенной степени это коснулось и Татлина. Как заметил один из рецензентов, оформлению был присущ «некоторый геометризм». Тем не менее критик оправдывает данный строй декораций, подчеркивает, что именно он органично передает «суровую строгость окружавших лагерь челюскинцев льдов»³.

Отзывы прессы были единодушны, давая постановке самые высокие оценки. «Сильная сторона спектакля – оформление – работа блестящего мастера изобразительного искусства Татлина», – утверждал один из очевидцев премьеры⁴. «Сегодня на сцене театра мы видели льды, деревянные бараки, полярную ночь. <...> Особенно хочется отметить работу художника В. Татлина, оформившего спектакль с большим вкусом, изобретательностью и мастерством», – подчеркивал корреспондент газеты «Труд»⁵.

Несмотря на великолепное, по словам А. Коонен, оформление Татлина, спектакль

по пьесе С. Семенова не вошел прочно в репертуар театра, хотя сам Таиров считал его достойным для включения в программу английских гастролей, предполагавшей показ таких шедевров, как «Гроза» и «Любовь под Вязами» братьев Стенбергов, «Жирофле-Жирофля» Г. Якулова, «Оптимистическая трагедия» и «Египетские ночи» В. Рындина. В январе 1936 г. в своем письме А. Таирову М. И. Майский, посол СССР в Великобритании, сообщал: «Я не видел «Не сдадимся», но думаю, что сама пьеса удовлетворительная (а играете вы ее, конечно, прекрасно), то ее следовало бы продемонстрировать в Лондоне: тема очень яркая и хорошо знакомая широкой английской публике. Челюскинская эпопея вызвала в Англии в свое время громадный отклик»⁶.

Намеченные на 1936 г. в Великобритании гастроли Камерного театра так и не состоялись. Постепенно «эксперименты», проводимые на его сценической площадке, начинают все больше настораживать представителей власти. Утверждение современного исследователя А. Дехтеревой относительно того, что «в условиях гибели надежд 20-х годов, представлений о совершенстве мира и свободе творчества, именно театр, и, в особенности, декорационное искусство, являлось, может быть, единственным местом и способом открытого выражения художником своего понимания искусства, сохранения своей авторской уникальной интонации»⁷, в обстановке усиливающегося идеологического контроля становится верным лишь отчасти. Осложняется и положение А. Я. Таирова. В частности, спектакль «Богатыри» на музыку А. П. Бородина (художник П. Баженов), поставленный им в следующем, 1936 г., вызывает нарекания присутствовавшего на премьерке члена Политбюро В. М. Молотова. С формулировкой о неверном истолковании русской истории его вычеркивают из репертуара. Снимают с постановки и другой спектакль Камерного театра – «Евгений Онегин», и это накануне 100-летней годовщины со дня смерти А. С. Пушкина.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

В настоящее время трудно судить о том, почему удачно сложившийся тандем Татлин – Таиров не получил продолжения. С большой долей вероятности можно утверждать, что определенную роль сыграла здесь сама природа дарования художника, слишком самобытного для возможности «подстраивания» под чужой замысел. Сход-

ным образом объяснял свой уход из Камерного театра и В. Ф. Рындин – режиссер не приветствовал его работу для других творческих коллективов. Как бы то ни было, но спектакль «Не сдадимся» стал одной из ярких сценографических работ Татлина и несомненно занял достойное место в ряду прочих постановок Камерного театра.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1929 г. А. Таиров уже ставил на сцене Камерного театра другую пьесу С. Семенова – «Наталью Тарпову» в оформлении братьев Стенбергов.

² *Живов М.* «Не сдадимся» в Московском Камерном театре // Известия. 1935. № 265 (5819). С. 6.

³ *Оружейников Н.* Спектакль о самом главном. «Не сдадимся» в Камерном театре // Вечерняя Москва. 1935. № 260 (3589). С. 3.

⁴ *Залесский В.* Тема высокого героизма // Гудок. 1935. № 268(4708). С. 4.

⁵ *Мержанов М.* «Не сдадимся». Новый спектакль Камерного театра // Труд. 1935. № 262 (4512). С. 4.

⁶ *Таиров А.* Записки режиссера: Статьи. Беседы. Речи. Письма. М.: Всероссийское театральное общество, 1970. С. 572.

⁷ *Дехтерева А.* Театр в контексте тридцатых // Творчество. 1991. № 6. С. 25.